

Лебедев А. П. Библиография. Критико-библиографический указатель русской литературы, относящейся к истории разделения церквей в IX, X и XI веках. [1841–1899 гг.] // Богословский вестник 1899. Т. 2. № 6. С. 266–300 (2-я пагин.). (Начало.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ указатель

русской литературы, относящейся къ исторіи раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ ¹⁾.

(I Муравьевъ. II Анонимъ. III Волковъ. IV Лебедевъ 1-ый. V Добротворскій. VI Митрополитъ Герасимъ (Яредъ). VII Лебедевъ 2-ой. VIII Скабалановичъ. IX Лебедевъ 2-ой. X Платоновъ. XI О. Преображенскій. XII О. Иванцовъ. XIII Епископъ Іоаннъ (Митропольскій). XIV Кое что).

1841—1899 гг.

Разумѣемъ сочиненія, разсматривающія исторію раздѣленія церквей въ полномъ или же неполномъ ея видѣ, а также сочиненія, посвященныя изученію жизни константинопольскихъ патріарховъ: Фотія (9-го в.), Михаила Керуларія (11-го в.) и Николая Мистика (10-го в.), приходившихъ въ столкновение съ римскими папами.

Указатель вестись будетъ въ порядкѣ хронологическомъ.

I.—Слѣдую хронологическому порядку появленія сочиненій разсматриваемаго рода, первое мѣсто надлежитъ отвести книгѣ А. Н. Муравьева подъ заглавіемъ: „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ“ (Петербургъ, 1841 г.). Сочиненіе Муравьева заслуживаетъ вниманія, какъ первая извѣстная намъ попытка ориентироваться въ трудномъ и сложномъ вопросѣ о Фотіи и раздѣленіи церквей при немъ и послѣ него. Авторъ не обладалъ большими

¹⁾ Глава изъ сочиненія: *Исторія раздѣленія церквей*, приготовленнаго жъ печати и имѣющаго явиться въ свѣтъ въ сентябрѣ сего года

богословскими познаніями и потому въ основу своихъ разсужденій о патріархѣ Фотіи полагаетъ церковную исторію извѣстнаго, но давняго французскаго богослова Флери и пользуется переводнымъ съ греческаго сочиненіемъ Иліи Минятія: „Камень соблазна“. Разумѣется, пользуясь такимъ ограниченнымъ количествомъ пособій, трудно было сдѣлать много серьезнаго для разъясненія личности Фотія и состоянія церкви его времени. Флери ¹⁾ далъ автору почти всю фактическую сторону для этого его изслѣдованія. Что касается освѣщенія и разъясненія истиннаго положенія вещей фотіанской эпохи, то въ этомъ отношеніи французскій историкъ мало былъ полезенъ для русскаго писателя. Флери смотритъ на Фотія съ папистической точки зрѣнія и недовольно пригоденъ для русскаго православной науки. Мало того: папистическая или точнѣе—римско-католическая окраска исторіи Флери—по отношенію къ личности Фотія и его времени—должна была задавать русскому изслѣдователю множество такихъ вопросовъ, съ которыми совладать было очень нелегко. Дѣйствительно, если мы сличимъ трудъ Муравьева съ Флери, то увидимъ такое явленіе: то, что сколько-нибудь подходитъ къ задачамъ русскаго писателя, этимъ послѣднимъ заимствуется у Флери, все же прочее проходится молчаніемъ, смыслъ котораго довольно таки прозраченъ. Для разъясненія нѣкоторыхъ трудныхъ вопросовъ Муравьевъ привлекаетъ греческаго писателя Илію Минятія, но этотъ греческій авторъ не принадлежитъ къ звѣздамъ учености, и потому его помощь русскому писателю незначительна ²⁾. Критика источниковъ, которые, нужно замѣ-

¹⁾ О Флери см. нашу книгу: *Церковная исторіографія съ IV в. по XX-й*, стр. 541—548. М. 1898.

²⁾ Грекъ Илія Минятій (*Μηριάτης*) былъ епископомъ въ Пелопонисѣ и жилъ въ 1669—1714 годахъ. Его сочиненіе: „Камень соблазна (*Πέτρα σκανδάλου*)“ въ оригиналь было напечатано по его смерти, въ 1718 г. въ Лейпцигѣ. На русскій языкъ переведено дважды, въ XVIII и XIX вѣкахъ. У насъ подъ руками русское изданіе XVIII в.: „Камень соблазна или историческое изъясненіе о началѣ и причинѣ раздѣленія восточной и западной церкви“. С.-Петербург., 1783. Въ книгѣ Минятій во первыхъ рассказываетъ довольно подробно исторію Фотія—и затѣмъ исторію извѣстныхъ попытокъ къ соединенію церквей. На эпоху Фотія онъ смотритъ, какъ на такое время, когда уже окончательно совершилось раздѣленіе церквей. Главную оригинальность воззрѣній автора составляетъ то, что виновниками раз

тить, въ большинствѣ случаевъ враждебны Фотію и разсказываютъ о немъ много несообразныхъ клеветъ—критика источниковъ едва-едва предназначена у русскаго автора. Впрочемъ въ похвалу Муравьева нужно сказать, что онъ въ значительной мѣрѣ уяснилъ то зерно, которое выросло изъ себя двѣ партіи—фотіанъ или приверженцевъ Фотія и игнатіанъ или приверженцевъ патріарха Игнатія. Русскій изслѣдователь пишетъ: „положеніе обоихъ патріарховъ (Фотія и Игнатія) подаеъ поводъ думать, что можетъ быть, какъ это часто случается, пастырская простота Игнатія, воспитаннаго въ заточеніи, чуждалась всякой внѣшней учености, и потому люди, приверженные къ нему, ненавидѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма гибельнаго для церкви по причинѣ глубокихъ познаній; это тѣмъ правдоподобнѣе, что по свидѣтельству лѣтописцевъ, со временъ Константина Копронима совершенно упало образованіе въ Византіи, и только кесарь Варда (современникъ Фотія) началъ опять подымать науки изъ долгаго ихъ забвенія, которое могло внушить людямъ, весьма впрочемъ благочестивымъ, совершенное къ нимъ охлажденіе и даже недовѣріе къ сословію ученыхъ, а наоборотъ людямъ, посвятившимъ себя наукамъ, недоброжелательство къ пренебрегающимъ оными. Въ такомъ случаѣ Игнатіи и Фотіи, не говоря уже о ихъ различныхъ отношеніяхъ къ Риму, были

дѣленія церкви онъ считаетъ византійскихъ императоровъ—Михаила III и Василія Македонянина. Нѣтъ сомнѣнія, что эта точка зрѣнія создаеъ своего рода удобства для историка: она избавляется отъ необходимости искать козловъ отпущенія или въ партіи фотіанской (римско - католическое и протестантское представленіе дѣла) или же въ партіи игнатіанской (представленіе дѣла, къ каковому (представленію) волей-неволей склопятся православная наука) Говоримъ о партіяхъ приверженцевъ Фотія и патр. Игнатія въ Византіи, въ IX в. О императорѣ Михаилѣ Мниятій пишетъ, напримѣръ: „предпріятіе Михаила, отправившаго пословъ въ Римъ къ папѣ съ приглашеніемъ его легатовъ въ Византію для разсмотрѣнія дѣла Фотія и Игнатія было весьма вредно; ибо оно сдѣлалось орудіемъ величайшаго раздора и искрою, произведшею въ сердцахъ многихъ народовъ (Востока и Запада) пагубный пламень, разрушившій до основанія священный союзъ, коимъ прежде обѣ церкви сопряжены были“ (20) Это сужденіе въ точности воспроизводитъ Муравьевъ (215). Разсматриваемая точка зрѣнія Мниятія не утвердилась въ наукѣ Общую причину раздѣленія церкви авторъ полагаетъ въ абсолютизмъ папъ —Книга очень устарѣла

въ самомъ Константинополѣ представителями двухъ совершенно противныхъ партій, и это объясняетъ взаимное ожесточеніе ихъ послѣдователей“ (стр. 256—7). Эта мысль автора, нужно добавить, отъ него перешла къ послѣдующимъ нашимъ писателямъ о Фотіи и Игнатіи и слѣдалась очень обычною въ наукѣ.

При изложеніи историческихъ событій X-го вѣка авторъ ничего не говоритъ относящагося къ дѣлу. Подъ заголовкомъ: „десятый вѣкъ“, вмѣсто того, чтобы сказать о борьбѣ патріарха кон—польскаго Николая Мистика съ папами по дѣлу четвертаго брака императора Льва VI-го, и о вмѣшательствѣ папъ при этомъ случаѣ въ дѣла к—ской церкви, Муравьевъ разсуждаетъ (291—294) о папской порнокраціи 10-го вѣка. Къ чему это? Историческія событія XI-го вѣка, вызвавшія окончательное раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіи, авторъ передаетъ обстоятельно, но при этомъ впадаетъ въ погрѣшности противъ исторіи: часть этихъ ошибокъ указана будетъ ниже (см. ниже отдѣлъ подь № 11). А потому во избѣжаніе повтореній о нихъ говорить здѣсь не будемъ. Общую причину раздѣленія церквей Муравьевъ усматриваетъ въ томъ же, въ чемъ и Минятіи. Книга не потеряла нѣкотораго значенія и въ наше время.

II.—*Анонима*. Михаилъ Керуларій, патріархъ константинопольскій. Кіевъ, 1854.

Судя по всѣмъ признакамъ, сочиненіе это представляетъ магистерскую диссертацию стараго дореформеннаго времени, обязанную своимъ происхожденіемъ, неизвѣстному по имени, студенту кіевской дух. Академіи. Какъ диссертация стараго времени, она носитъ на себѣ своеобразныя черты. Къ лицамъ, принадлежащимъ къ православной церкви авторъ относится съ безусловной похвалою, а лицъ, не принадлежащихъ къ этому вѣроисповѣданію, когда ему приходится имѣть дѣло съ ними, онъ же сильно и нестойцимо порицаетъ. Вотъ на примѣръ, какими словами открывается рѣчь автора о М. Керуларіи. „М. Керуларій есть одно изъ такихъ историческихъ лицъ, которыя невинно страдаютъ въ исторіи отъ пристрастія историковъ. Невинный и ревностный блюститель Православія Михаилъ прослылъ у западныхъ писателей человѣкомъ нестерпимаго характера, ничего не знающимъ, ни въ дѣлахъ религіи, ни въ сношеніяхъ политиче-

скихъ. Простое письмо Михаила, писанное къ частному лицу по долгу пастырскому, назвали страшною клеветою Грековъ на римскую церковь“ (стр. 1). Само собою понятно, что въ настоящее время никто (какъ увидимъ ниже) не пишетъ въ такомъ родѣ. А касательно сейчасъ упомянутаго письма Керуларія (къ Иоанну еписк. Трапійскому—въ Италіи) авторъ рассуждаетъ такъ: „Сіе-то письмо, очень простое по содержанию, благородное по цѣли, умѣренное по тону, съ одними легкими указаніями на современныя заблужденія западныхъ христіанъ, безъ всякихъ политическихъ тонкостей, было принято на западѣ, какъ величайшая обида и оскорбленіе папскаго престола, получило названіе: *calumnia Graecorum adversus sanctam Romanam sedem*, и послужило поводомъ къ распрѣ. Основываясь преимущественно на семъ письмѣ, западные писатели доселѣ утверждаютъ, будто бы Михаилъ безразсудно возобновилъ мятежный споръ между востокомъ и западомъ и вслѣдъ затѣмъ былъ главнымъ зачинщикомъ и виновникомъ совершеннаго отдѣленія восточной церкви отъ западной. Дабы дать безпристрастное сужденіе о поступкѣ Михаила, и съ основательностію отвѣчать на сужденія западныхъ, мы очевидно должны показать: а) имѣлъ ли Михаилъ права самыя законныя и побужденія самыя настоятельныя писать на западъ? Если имѣлъ, то б) дѣйствовали ли въ семъ случаѣ съ мудрою осмотрительностію, съ христіанскимъ смиреніемъ?“ (стр. 8—9). Здѣсь, какъ видимъ, поставлены между прочимъ такіе вопросы, какіе въ наше время ставить уже никто не возьмется, справедливо находя, что естественный и необходимый отвѣтъ на подобные вопросы можетъ и должно давать безпристрастное изложене історіи самой дѣятельности этого патріарха.

На тѣхъ же лицахъ, которыя не за насъ, а противъ насъ, Анонимъ взираетъ сурово и неизмѣнно осуждаетъ за ихъ дѣйствія. Посмотримъ, какъ характеризуетъ онъ письмо современнаго папы Льва IX-го, написанное въ отвѣтъ на вышеуказанное письмо Керуларія. Вотъ слова автора: „Собственно говоря, это не письмо, а преобширный трактатъ, состоящій изъ 41 главы, и не отвѣтъ Михаилу, а разглагольствіе о предметахъ постороннихъ, наполненное всякаго рода неприличными ругательствами и обвиненіями на восточную церковь вообще, на Константинопольскую въ частности, и

Михаила въ особенности“ (стр. 12). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, нашъ Анонимъ имѣетъ не только недостаточныя, но и не вѣрныя представленія о той роли, какую игралъ папа въ начинаніяхъ латинской церкви того времени, направленныхъ къ исправленію внутреннихъ недостатковъ этой церкви: онъ преувеличивалъ значеніе личности Льва IX-го въ указанныхъ начинаніяхъ (стр. 93 примѣч.).

Быть можетъ, ни въ чемъ такъ наглядно не выражается у автора стародавняя историческая манера обсуждать событія подъ извѣстнымъ условнымъ угломъ зрѣнія, какъ въ той оцѣнкѣ папскихъ легатовъ, бывшихъ въ Константинополѣ и параллельно съ этимъ патріарха Керуларія, какую находимъ въ слѣдующихъ словахъ его, автора: „Легаты неистовствуютъ въ чужомъ городѣ, при чужой каедрѣ: Михаилъ, на собственномъ престолѣ патріаршемъ, дѣйствуетъ хладнокровно и спокойно“. „Легаты въ своей нелѣпой картинѣ не обличаютъ, а площаднымъ образомъ поносятъ патріарха, называя его псевдо-патріархомъ, новокрещеннымъ, очерненнымъ какими то весьма многими преступленіями и проч.: Михаилъ въ своемъ опредѣленіи соборномъ говоритъ о легатахъ ясно и отчетливо“. (Sic!) (стр. 27).

Послѣдніе годы жизни Керуларія изображены авторомъ тенденціозно — вопреки яснымъ историческимъ указаніямъ, при чемъ дѣятельность и поведеніе патріарха въ Константинополѣ обѣляются съ излишнею старательностію (41—43).

Интересно отмѣтить то, что нашъ Анонимъ, этотъ ревностный апологетъ Восточной церкви, въ концѣ концовъ приходитъ къ тому неожиданному выводу, что никакого раздѣленія церквей при Керуларіи вовсе и не происходило. „Гдѣ тотъ окончательный разрывъ (между двумя церквами), о которомъ пишутъ историки? спрашиваетъ себя авторъ, и отвѣчаетъ: „его не было во дни Керуларія, не было и потомъ. Правда, было разногласіе во мнѣніяхъ, но тутъ патріархъ рѣшительно неповиненъ. Мнѣнія отнюдь не новы, разногласіе болѣе сильное и болѣе всеобщее возникло лѣтъ за 200-ти до Керуларія (т. е., конечно при Фотіи). Вспыхнулъ было и раздоръ (при Керуларіи), но онъ съ теченіемъ времени могъ бы и погаснуть“ (126—127).

Такъ писалась исторія во дни нашихъ отцовъ.

Впрочемъ тотъ ошибся бы, кто подумалъ бы, что мы не

приписываемъ никакого значенія труду Анонима. Несмотря на многіе недостатки, сочиненіе все же очень почтено. Оно изобилуетъ документами, приводимыми *in extenso* въ прекрасномъ переводѣ. Языкъ сочиненія чистъ и точенъ. Какимъ пуристомъ своего отечественнаго языка былъ Анонимъ, это ясно открывается на слѣдующемъ примѣрѣ. При одномъ случаѣ, онъ употребилъ два латинскихъ слова: *Constantinus constanter* (87), и находитъ, что онъ уже погрѣшилъ противъ чистоты русской рѣчи, почему и спѣшитъ оправдаться предъ читателемъ въ слѣдующихъ словахъ: здѣсь „игра словъ, которую невозможно въ точности перевести на русскій языкъ“. Такъ охраняли чистоту рѣчи писатели - богословы въ недалекой старинѣ, и хвала имъ за это. Когда сравниваешь теперешнія диссертациі, загроможденныя иноязычными цитатами въ оригиналѣ и написанныя, поэтомъ, языкомъ тарабарскимъ, съ диссертациею Анонима, истинно позавидуешь этимъ, быть можетъ, невозвратнымъ временамъ съ ихъ порядками. Сочиненіе Анонима, по его изложенію, отличается раздѣльностью мыслей и отчетливостію ихъ, чему много помогала старая манера дѣлать разсматриваемыя матеріи и подраздѣлять ихъ внѣшнимъ образомъ посредствомъ цифръ и буквъ алфавита. Объ источникахъ, какими пользовался авторъ, ничего особеннаго нельзя сказать. Кромѣ латинскихъ книгъ и вышерассмотрѣннаго сочиненія Муравьева, подъ руками у него не было ничего. Даже немногочисленныя цитаты изъ греческихъ книгъ извѣстны автору, кажется, лишь въ латинскомъ переводѣ. Любопытно узнать, что авторъ умудрился гдѣ-то раздобыться латинскимъ же переводомъ извѣстной церковной исторіи французскаго аббата Флерп.

Въ заключеніе должны сказать, что новѣйшіе писатели по Керуларіевскоіи эпохѣ, иногда не только не превосходятъ Анонима, но и значительно уступаютъ ему. Анонимъ, наприм., очень разсудительно пользовался Муравьевымъ и ни одной изъ грубыхъ ошибокъ его не перенесъ въ свой трудъ; не такъ поступаютъ современные борзописцы. Они, безъ разбора приносятъ въ свои оч. плохія сочиненія всякіи соръ, ошибки, давно отмѣченныя, въ томъ числѣ и Муравьевскія, и такимъ образомъ служатъ научному регрессу и посрамляютъ церковно-историческую науку. Право,

очень многому они научились бы изъ разсматриваемой старой книжки ¹⁾).

III.—Магистра Моск. Дух. Академіи, *Н. С. Волкова*. Николай Мистикъ, патріархъ константинопольскій. „Прибавленія къ Творен. св. Отцовъ“. Томъ XX, 1865 г. Сочиненіе составлено по письмамъ самого патріар. Николая, современныхъ ему папъ и по извѣстіямъ византійскихъ хронистовъ. Изображая дѣятельность патріарха, авторъ разсказываетъ о столкновеніи его съ императоромъ Львомъ Мудрымъ по поводу четвертаго брака этого послѣдняго, вслѣдствіе чего произошло незаконное вмѣшательство папъ въ дѣла константинопольской церкви, о низверженіи патріарха и возвращеніи его на кафедру, знакомить съ перепиской его, какую онъ велъ съ папами и проч. Сочиненіе г. Волкова и до сихъ поръ не утратило своего значенія. Правда, не такъ давно изданная въ греческомъ оригиналѣ на Западѣ, „жизнь Евфимія“, антипатріарха времени Николая Мистика, пролила не мало новаго свѣта на внутреннее положеніе церкви Константинопольской начала X-го вѣка, но это обогащеніе науки очень мало имѣетъ значенія при изученіи вопроса о раздѣленіи церкви (см. также книгу Н. Г. Попова: „Императоръ Левъ Мудрый“ и пр. М. 1892,—книгу, въ которой можно находить много полезныхъ свѣдѣній, уясняющихъ положеніе дѣлъ въ восточной церкви во времена патріарха Николая).

IV.—Проф. *А. С. Лебедева*. Отпаденіе западной церкви отъ союза съ восточной. „Душеполезное Чтеніе“, 1864, кн. 4. Сочиненіе представляетъ собою лишь начало труда, который почему—то остался неоконченнымъ, не смотря на то, что авторъ его до сихъ поръ живъ и состоитъ профессоромъ церковной исторіи въ одномъ провинціальномъ университетѣ. Ужъ если начато сочиненіе, то, конечно, слѣдовало бы его и кончить, не позволяя себѣ вводить въ обманъ читателя. Впрочемъ, наука едва ли что теряетъ отъ того, что данное сочиненіе не увидѣло окончанія. Авторъ описать лишь: положеніе папской власти на Западѣ до событія неполнаго раздѣленія церкви въ IX-мъ вѣкѣ; но его работа

¹⁾ Не должно думать, что книга Авонима сдѣлалась библиографическою рѣдкостью: она значится въ каталогъ извѣстнаго книгопродавца Тузова за 1899 г

представляетъ собой незамысловатую компиляцію, теперь она почти совсѣмъ позабыта.

V.—Проф. Казанскаго университета по исторіи церкви *И. М. Добротворскаго* (†). Борьба (?) и раздѣленіе церквей въ половинѣ XI-го вѣка. „Христіанское Чтеніе“ 1868 г., т. III (двѣ статьи). Прочитывая вышеназванное сочиненіе покойнаго профессора, трудно дать себѣ отчетъ: ради какой цѣли и въ какихъ интересахъ напечатано оно. Это просто подробный разсказъ о событіи, при чемъ много мѣста удѣляется полемикѣ Грековъ и Латинянъ по разнымъ церковнымъ вопросамъ и главнымъ образомъ „объ опрѣсноксахъ“, но какъ это уяснено въ нашей наукѣ профессоромъ Н. А. Скабалановичемъ, указанная полемика при Керуларіи весьма мало содѣйствовала раздѣленію церквей. Сущность дѣла составляли обострившіяся отношенія между двумя іерархическими центрами церковной жизни—Римомъ и Константинополемъ. Читается сочиненіе г. Добротворскаго съ малымъ интересомъ. Единственно что можетъ быть отмѣчено въ немъ, сочиненіи,—это другой въ сравненіи съ прежнимъ временемъ взглядъ на Керуларію. Теперь, въ 60-хъ годахъ, подъ вліяніемъ многихъ существенныхъ перемѣнъ въ правящихъ сферахъ нашей церкви, уже не боялись вести слѣдующихъ рѣчей о патріархѣ М. Керуларіи, котораго еще недавно такъ превозносили Анонимъ. „Подчиниться римскому абсолютизму не могъ Константинопольскій патріархъ и притомъ такой, какъ Михаилъ. Могъ ли онъ, далеко не чуждый честолюбія, добровольно сдѣлаться папскимъ подручникомъ (?)? Если папа на основаніи (подложной) Константиновой (Конст. Вел.) грамоты усвоилъ себѣ царскія права, то и Михаилъ не чуждъ былъ стремленія поравняться съ властію императора. Онъ привыкъ, чтобы государи исполняли его желанія и когда Исаакъ Комнинъ отказывалъ патріарху въ просьбахъ, то онъ не боялся угрожать ему потерей престола: „я тебя создалъ, я и уничтожу тебя“, говаривалъ онъ императору. Но это было—прибавляетъ авторъ — несвойственное духовной власти превозношеніе, за которое патріархъ поплатился лишеніемъ престола и ссылкой“ (898—899). Любопытно сравнивать эти разсужденія съ разсужденіями по тѣмъ же поводамъ г. Анонима: не много прошло времени отъ 1854 г. (конецъ царствованія Николая) до 1868 года (кульминиціонная

точка освободительнаго царствованія Александра II), но какъ много въ эти года воды утекло! Слѣдуетъ впрочемъ сказать, что проф. Добротворскій едвали зналъ и читалъ сочиненіе Анонима. Рѣшая лично для себя вопросъ о томъ, что, вѣроятно же всего, побудило автора заняться столь мало интереснымъ изложениемъ „исторіи раздѣленія церкви въ половинѣ XI-го вѣка“, мы остановились на томъ предположеніи, что незадолго предъ тѣмъ появившіеся въ свѣтъ: „акты (Acta et scripta et c.), относящіеся къ исторіи споровъ между греческою и латинскою церковію въ XI-мъ вѣкѣ“, изданные Виллемъ въ оригиналахъ и притомъ въ надлежащей полнотѣ, расположили проф. Добротворскаго, не углубляясь много въ изученіе документовъ, ознакомить русскую богословскую публику съ этимъ изданіемъ. Само собою понятно, авторъ при этомъ нѣсколько позаботился о томъ, чтобы придать своему дѣлу, соотвѣтствующій журнальнымъ цѣлямъ характеръ. Не считаемъ нужнымъ умолчать, что прочитывая сочиненіе г. Добротворскаго, не выносишь опредѣленнаго представленія о томъ: кто больше всего виновать въ изучаемомъ имъ явленіи или какія обстоятельства привели къ этому?

VI.—Высокопреосвященнѣйшаго *митрополита Герасима* (Яреда): „Отзывы о св. Фотіи, патріархѣ Константинопольскомъ—его современниковъ въ связи съ исторіей политическихъ партій Византійской имперіи“ (стр. 1—257). С.-Петербургъ, 1874 г. ¹⁾. Сочиненіе автора, написанное имъ въ

¹⁾ Въ отдѣльномъ изданіи, т. е. въ видѣ книги, сочиненіе это рѣдко можно встрѣтить въ настоящее время; поэтому считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія читателя, что все оно помѣщено было статьями въ *Христ. Читаніи*, за 1872—1873 годъ. Біографія владыки Герасима очень любопытна. Родомъ сиріецъ, онъ получилъ первоначальное греческое образованіе Загѣмъ, будучи монахомъ, обучался въ Моск. Дух. Семинаріи, гдѣ нѣкоторое время былъ моимъ однокурсникомъ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Петербургской Академіи. Занималъ должность ректора семинаріи въ Ригѣ и Псковѣ. Послѣ этого (неизвѣстно почему) сдѣлался членомъ Свято-гробскаго братства въ Іерусалимѣ. Наконецъ о. Герасимъ занялъ митрополичью кафедру въ одной епархіи Антиохійскаго патріархата. Но живъ ли онъ въ настоящее время—незнаю. При „Церк. Вѣдом.“ за 1899 г. въ видѣ приложенія напечатанъ „Списокъ“ всѣхъ православныхъ архіереевъ, въ Россіи. Но въ этомъ списокѣ, при исчисленіи архіереевъ Антиохійскаго патріархата имени владыки Герасима не встрѣчается

качествѣ магистерской диссертациі, во многихъ отношеніяхъ обращаетъ на себя большое вниманіе. Прежде всего о. Герасимъ иностранецъ, слѣдовательно писалъ не на отечественномъ языкѣ. Во-вторыхъ, его воззрѣнія очень оригинальны и благодаря своей оригинальности не во всемъ встрѣтили себѣ сочувствія въ нашей отечественной литературѣ. Вообще же это *одна изъ самыхъ философическихъ книгъ по церковной исторіи* въ нашей литературѣ.

Въ первыхъ строкахъ своего сочиненія авторъ указываетъ на существованіе неодинаковыхъ взглядовъ на Фотія—нынѣшнихъ писателей, восточныхъ и западныхъ. Западные возводятъ на него всевозможныя обвиненія, а восточные съ настойчивостію защищаютъ его (стр. 1). Въ виду такихъ отношеній науки къ патріарху авторъ разсуждаетъ: „намъ кажется, что разногласія писателей относительно Фотія, неправильныя и неосновательныя о немъ сужденія, зависятъ главнымъ образомъ именно отъ того, что эти писатели, излагая событія, относящіяся къ жизни Фотія, вовсе не обращаютъ или слишкомъ мало обращаютъ вниманія на тѣ современныя событія (особенно политическія) и обстоятельства, съ которыми первыя (?) неразрывно связаны и которыми они главнымъ образомъ объясняются. Идя такимъ путемъ, эти писатели или ничего не могутъ объяснить, или же, объясняя, должны впасть въ грубое заблужденіе. Такъ во всѣхъ почти изслѣдованіяхъ о Фотіи мы напрасно старались бы отыскать истинную причину низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія. Большинство этихъ писателей ищеть причины этихъ фактовъ въ мелкомъ самолюбіи Варды и въ капризахъ развращеннаго византійскаго двора—объясненіе, по нашему мнѣнію, въ высшей степени несостоятельное, допускаемое только по невниманію къ современнымъ обстоятельствамъ, знаніе которыхъ только и можетъ ручаться за вѣрное объясненіе всей вообще исторіи Фотія“ (стр. 5). Разъясняя же сущность собственнаго взгляда на разнообразныя

Что съ нимъ случилось? Какъ жаль, что наши церковныя газеты мало слѣдятъ за исторіей Восточной церкви. Имя митрополита Герасима вписано крупными буквами въ лѣтописи нашей церковно-исторической науки. Такъ какъ книга Герасима написана и издана имъ, когда онъ былъ еще іеромонахомъ, то мы не станемъ титуловать его по его послѣднему, митрополитическому, сану.

движенія на востокъ при Фотіи, о. Герасимъ пишетъ: „смуты, такъ долго волновавшія въ то время церковь и государство, вызваны были не случайными обстоятельствами. Обыкновенно думаютъ, что смуты эти были лишь слѣдствіемъ незаконнаго низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ничего поверхностнаго такого пониманія; смуты начались гораздо раньше момента низложенія, которое ими обусловливалось, такъ что низложеніе Игнатія было не причиною, а слѣдствіемъ этихъ смутъ. Борьба съ византійскимъ дворомъ или точнѣе съ царствующею въ Византіи династіею,—борьба той константинопольской партіи, которая послѣ низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія, стала извѣстна подъ именемъ игнатіанской, *эта борьба была вовсе не церковнаго характера*; не церковныя какія-либо разногласія давали пищу этой борьбѣ. Если нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ лицъ громко кричали о ревности къ православію и благочестію, то это не значитъ еще, чтобы они на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду интересы церковныя. Нельзя обольщаться такими возгласами и восклицаніями; не въ первый разъ личныя страсти и разнаго рода расчеты скрываются подъ личиною заботъ о православіи или церковномъ благочестіи; не въ первый разъ исповѣданіе вѣры, такъ или иначе понимаемое, является скорѣе политическимъ знаменемъ, чѣмъ глубокимъ религіознымъ убѣжденіемъ. Это была въ сущности политическая борьба двухъ враждебныхъ и противоположныхъ партій, и притомъ борьба не со времени низложенія Игнатія и возведенія Фотія получившая свое начало, а напротивъ борьба старая, которая началась задолго до этихъ патріарховъ и тянулась долго послѣ нихъ. Строго говоря, на всѣ, относящіяся къ Фотію и Игнатію событія нужно смотрѣть, какъ на эпизодъ изъ исторіи этой борьбы политическихъ и династическихъ партій, которая непрерывно продолжалась почти во все время существованія Византійской имперіи“ (11—12). Затѣмъ авторъ подробно характеризуетъ вышеуказанныя партіи, начиная со времени появленія монофизитства и кончая эпохой Фотія и Игнатія. Не считая нужнымъ входить въ подробности сдѣланныхъ авторомъ разъясненій, ограничимся указаніемъ на общія особенности партій, допускаемыхъ о. Герасимомъ. Во все время — отъ монофизит-

ства до игнатіанъ и фотіанъ включительно—партіи было по двѣ: одна изъ нихъ была болѣе прогрессивная, другая же консервативная, одна была склонна поддерживать ереси, другая охраняла интересы православія. Обѣимъ партіямъ придавало очень характеристическую окраску то обстоятельство, что одна опиралась на приверженцевъ цирковой партіи—зеленыхъ, а другая на приверженцевъ цирковой партіи—голубыхъ. По словамъ автора, црковь отъѣняетъ обѣ партіи только до времени иконоборства; со времени же иконоборства цирковая борьба замолкаетъ, но за то: „императоръ, войско, синклитъ и духовенство, прежде принимавшіе такое участіе въ борьбѣ партіи цирка, теперь стали непосредственно бороться между собой, каждый (?) отстаивая свои цѣли“. Что же касается времени патріарховъ Игнатія и Фотія, то о нихъ авторъ замѣчаетъ: „съ возстановленіемъ почитанія св. иконъ борьба (вышеупомянутыхъ лицъ, учреждений и сословіи) продолжается съ тою же силой, какъ и прежде, но уже не сопровождается религіозными разногласіями“ (стр. 13).

Разсужденія о Герасима относительно отличительныхъ особенностей византійскихъ партій, ихъ историческаго значенія вообще и въ частности въ дѣлахъ и спорахъ церковныхъ, не встрѣтили въ нашей наукѣ принятія и сочувствія. Они найдены черезчуръ оригинальными, натянутыми и не имѣющими подъ собою твердой исторической почвы. Авторъ сочиненія: „Отношенія между церковію и гражданскою властію въ Византійской имперіи“, проф. Кургановъ, дѣлая по мѣстамъ въ своемъ сочиненіи критическія замѣчанія касательно различныхъ сторонъ вышеуказанной теоріи о Герасима ¹⁾ между прочимъ дѣлаетъ слѣдующій справедливый

¹⁾ Стр 145—159. 354 (Каз., 1880). Въ другомъ своемъ трудѣ тотъ же проф., съ нѣкоторою осторожностію, въ качествѣ своего личнаго мнѣнія, выражаетъ предположеніе, что вышераскрытая нами историческая теорія о Герасима, по ея идеѣ, заимствована этимъ писателемъ у одного французскаго ученаго, по имени Zotos'a (а не Lotos'a, какъ, по ошибкѣ корректора, названъ этотъ послѣдній въ нижецитируемомъ нами мѣстѣ) По поводу этой замѣтки нашего ученаго, должны сказать, что предположеніе, имъ выраженное, давно обращалось въ узкомъ кругу специалистовъ, но почему-то долго не попадало въ печать (см. статью г Курганова: *Христ. Чит.*, 1895 г., I, 184: объ этой статьѣ рѣчь впереди)

отзывъ о всей теоріи разсматриваемаго изслѣдователя: „Вопросъ объ отзывахъ о патріархѣ Фотіи его современниковъ, и тѣмъ болѣе западныхъ писателей отъ этого (т.-е. ото всѣхъ разсужденій о Герасима о партіяхъ) нисколько не уяснился; потому что взглядъ западныхъ церковныхъ историковъ на Фотія, не только католическихъ, но и протестантскихъ обусловливается исключительно ихъ религіозною точкою зрѣнія, отличною отъ восточныхъ православныхъ писателей, и не будь этой западной религіозной точки зрѣнія, тогда католическіе и протестантскіе писатели сумѣли бы настоящимъ образомъ и, думается, несравненно лучше автора взглянуть на церковно-политическія обстоятельства Византіи, чтобы во всемъ блескѣ и нравственной мощи выдвинуть личность Фотія. Что касается отношенія отзывовъ о патріархѣ Фотіи его современниковъ къ описанному авторомъ партіямъ—зеленыхъ и голубыхъ, то оно является очень механическимъ. Еретичествоующіе либералы—зеленые (монофизиты, монослиты), превратившіеся, по мнѣнію о. Герасима, Богъ — вѣсть какими судьбами въ иконоборцевъ, послѣ иконоборческихъ споровъ какимъ-то непонятнымъ образомъ превратились въ свободомыслящихъ прогрессистовъ—православныхъ (Фотіане). И чѣмъ православные либералы времени Фотія (его приверженцы) отличаются отъ православныхъ клерикаловъ, какими авторъ представляетъ Игнатіанъ? На эти вопросы нѣтъ отвѣта у автора. Если же сравнить построеніе его теоріи съ дѣйствительностію, то она, эта теорія, окажется очень натянутою и механическою“ (стр. 160) ¹⁾. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что о. Герасимъ до такой степени увлекается своими партіями, до такой степени преувеличиваетъ ихъ значеніе въ исторіи борьбы Игнатіанъ и Фотіанъ, что рѣшается высказать слѣдующую парадоксальную мысль: „упорная борьба Игнатіанъ съ Фотіанами, составляющая собою продуктъ внутренней политической жизни Византійской имперіи, собственно говоря чужда исторіи папства“ (257). Какъ? Неужели же папы должны совсѣмъ оставаться въ сторонѣ при рѣшеніи вопроса о проис-

¹⁾ См. еще наши замѣчанія по поводу теоріи о Герасима въ „Чтен въ Общ. Люб Дух Просвѣщ“, 1873, январь—въ статьѣ „Новый методъ“

хожденіи внутренней борьбы въ церковныхъ Византійскихъ сферахъ временъ Фотія и Игнатія? Неужели папы просто—одно изъ условій борьбы, причѣмъ борьба все таки была бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы не было на свѣтѣ и папы Николая I и папской притязательности?

Въ то время, когда о. Герасимъ писалъ свое изслѣдованіе, на свѣтѣ уже существовало колоссальное по учености и непримѣрное даже на Западѣ по обстоятельности и глубинѣ изученія предмета трехтомное сочиненіе о Фотіи извѣстнаго римско-католическаго писателя Гергенрѣтера ¹⁾. Авторъ чувствовалъ, что съ этимъ ученымъ необходимо свести много счетовъ. Поэтому на первыхъ же страницахъ своего сочиненія онъ старается критически отнестись къ Гергенрѣтеру, но критика его весьма мало подрываетъ авторитетъ нѣмецкаго ученаго. Авторъ пишетъ (стр. 6): „сочиненіе Гергенрѣтера по обширности изслѣдованія и по обилію изложенныхъ въ немъ данныхъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Но онъ, не смотря на свою богатую эрудицію, всетаки остается ревностнымъ папистомъ (*но развѣ могло быть иначе!*), такъ что онъ не можеть вполне (*еще-бы!*) отрѣшиться отъ папскихъ предубѣжденій. Не говоря о его произвольномъ, исторически невѣрномъ взглядѣ на Фотія, какъ на виновника раздѣленія церкви, не говоря объ этомъ, онъ во 1-хъ при изложеніи современныхъ и относящихся къ Фотію событій смотритъ не съ той стороны, съ какой слѣдовало: событія, имѣющія чисто политическій характеръ, онъ смѣшиваетъ съ церковными (*о. Герасимъ, очевидно, желалъ, чтобы Гергенрѣтеръ смотрѣлъ на движенія во времена Фотія глазами нашего автора: вмѣсто церковныхъ мотивовъ искалъ бы мотивы политическихъ. Нужно ли это?*) и судитъ о нихъ не съ чисто-исторической, а съ папистической (*sic*) точки зрѣнія; такимъ образомъ дѣло въ концѣ концовъ (*какъ быстро!*) остается неразъясненнымъ и историческая истина является

¹⁾ Hergenröther. Photius, Patriarch von Constantinopel В. В. I—III Regensb., 1867—1869. Главное отличіе Гергенрѣтера въ томъ, что при строго-консервативномъ направленіи, онъ поражаетъ читателя своими большими учеными достоинствами и даже умѣетъ покорять себѣ умы—дѣло великое. Нужно помнить, что твердо держась консервативнаго направленія, очень не легко войти въ славу: отъ этого-то представляется, что какъ будто бы между консерваторами почти совѣмъ нѣтъ умныхъ людей

въ некасаенномъ видѣ. Въ вторыхъ, въ своемъ изображеніи личности Фотія — продолжаетъ о Герасимъ — Герг-теръ является не вездѣ безпристрастнымъ; такъ, наприм., при описаніи личности Фотія онъ почти исключительно руководствуется враждебными ему (Фотію) источниками (*но спрашивается: можно ли ставить Гергенрёттеру въ вину пользование этими источниками, когда такихъ источниковъ очень много, и благоприятныхъ для Фотія почти нѣтъ, когда эти источники писаны не латинянами, а самими Греками, да еще современниками? Самъ о. Герасимъ въ своей книгѣ имѣетъ дѣло лишь со враждебными Фотію источниками, не стараясь дать объясненія, отчего такого рода источники преобладаютъ*). „Нерасположеніе Гергенрёттера къ Фотію — пишеть о. Герасимъ — простирается до того, что онъ не удерживается отъ рѣзкихъ пристрастныхъ сужденій даже тамъ, гдѣ факты говорятъ рѣшительно въ пользу Фотія“ (*правильно, но голословно*). Затѣмъ черезъ страницу о. Герасимъ находитъ такой недостатокъ у Гергенрёттера и предъявляетъ къ этому автору такія требованія, какія намъ представляются по меньшей мѣрѣ непонятными. Онъ говоритъ: „ужъ если разсуждать о причинахъ того событія, которое извѣстно подъ именемъ раздѣленія церквей, то нужно прежде всего, кромѣ конечно національнѣхъ особенностей, о которыхъ сужденія Гергенрёттера по большей части несостоятельны (*гдѣжъ доказательство?*) прослѣдить постепенное развитіе той противной духу христіанства системы, которая извѣстна подъ именемъ папства — исторически показать, какимъ образомъ христіанскій Римъ наслѣдовалъ наклонность, недостатки и преимущества Рима языческаго, стать стремиться къ церковному преобладанію. Тогда, по нашему мнѣнію, вопросъ о раздѣленіи церквей *былъ бы* поставленъ правильно“ (стр. 8). Странная идея! Можно ли, говоря о римско-католическомъ писателѣ, ставить ему въ упрекъ то, что имъ не развѣнчано папство? Неужели можно серьезно требовать отъ Гергенрёттера, чтобы онъ показалъ: „какимъ образомъ Римъ христіанскій наслѣдовалъ наклонности и недостатки Рима языческаго“? Вѣдь это все равно, какъ еслибы критикъ папстическаго лагеря стать бы ставить въ вину о. Герасиму, что онъ не постарался показать: „какимъ образомъ Фотій сдѣлался виновникомъ раздѣленія церквей“? Этими общими замѣчаніями и ограничимъ

нашу рѣчь по вопросу о критическомъ отношеніи автора къ труду Гергенрётера 1).

Чувствительнымъ недостаткомъ сочиненія о. Герасима нужно признать—далѣе—не вполне удовлетворительное знаніе авторомъ латинскаго языка, вслѣдствіе чего онъ, какъ эллинизованный сиріецъ, долженъ былъ довольствоваться греческими источниками тамъ, гдѣ слѣдовало ихъ отлагать въ сторону, а на ихъ мѣсто помѣщать источники латинскіе.—Между источниками исторіи Фотія весьма важное мѣсто занимаютъ акты Константинопольскаго собора 869 года, признаваемаго въ латинской церкви восьмымъ вселенскимъ—того собора, на которомъ патріархъ Игнатій послѣ вторичнаго восшествія на кафедру былъ утверждёнъ въ патріаршемъ санѣ, а Фотій объявленъ лишеннымъ кафедры и подвергнутъ анаемѣ. Акты эти не дошли до насъ въ оригиналѣ; они сохранились въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библіотекаря и греческой редакціи, представляющей собой въ нѣкоторомъ родѣ сокращенное изложеніе того, что содержится въ выше упомянутомъ латинскомъ переводѣ. Вопросъ о томъ, какая вѣрнѣе изъ этихъ двухъ редакцій и точнѣе передаетъ исторію собора—оставался до времени автора еще не рѣшенъ. Муравьевъ отдавалъ предпочтеніе греческой редакціи предъ латинскою. Онъ такъ рассуждалъ: „съ чрезвычайною осторожностію должно разбирать дѣянія собора, признаваемаго римлянами за восьмой вселенскій и

1) Нужно сказать, что въ нашей литературѣ встрѣчаются странныя отношенія къ Гергенрётеру. О. Герасимъ выражаетъ явное недовольство этимъ писателямъ за то, что онъ очень ревностно проводитъ римско-католическіе взгляды. Эту же точку зрѣнія несомнѣнно раздѣляетъ и профъ Иванцовъ, но не ограничивается однимъ этимъ. Нимало не сумнясь, онъ находитъ Гергенрётера *смѣшнымъ* („Къ изслѣдовъ о Фотіи“, стр. 88) Неужели въ самомъ дѣлѣ смѣшонъ Гер—теръ: этотъ великій римско-католическій ученый, истратившій на занятіе своей книгой 12 лѣтъ, написавшій ее такъ, что она не на десятки, а на сотню лѣтъ удовлетворитъ весь западный просвѣщенный міръ,—этотъ писатель безспорно занимающій первое мѣсто въ ряду всѣхъ римско-католическихъ ученыхъ XIX-го вѣка? да и однихъ ли этихъ? Найдешь ли много лицъ и среди протестантскихъ писателей по церковной исторіи, которые были бы выше Герг—ра? И вдругъ онъ смѣшонъ! Интересно было бы знать, что сказать бы самъ Герг—ръ о названной книгѣ Иванцова, если бы первый дожилъ до появленія ея въ свѣтъ?

нельзя вѣрить тому списку, который привезъ съ собою (изъ Константинополя) въ Римъ и перевелъ съ греческаго Анастасіи Библіотекаръ, написавшій столь пристрастное къ нему предисловіе противъ Фотія; римская неправда ясно бросается въ глаза, если только обратить должное вниманіе на всѣ дѣянія собора“. А относительно греческой редакціи этотъ авторъ говоритъ: „едва ли греческій текстъ актовъ не есть настоящій текстъ дѣяній, ибо имѣетъ довольно полноты, хотя и гораздо короче латинскаго текста Анастасія“ (стр. 263. 265). Но эти взгляды Муравьева неправильны. Начинаютъ склоняться къ мысли, что латинская редакція есть довольно точный переводъ греческаго первоначальнаго текста актовъ собора 869 года, а греческая редакція есть не совсѣмъ умѣлое сокращеніе первоначальныхъ актовъ, сдѣланное въ интересахъ Грековъ, по тому побужденію, что хотя соборъ 869 года и происходилъ въ Константинополѣ, но всѣ его опредѣленія запечатлѣны папистическимъ духомъ, враждебнымъ церкви греческой. По сравненію съ Муравьевымъ, о. Герасимъ становится на болѣе научный путь, когда въ своемъ сочиненіи онъ не отдаетъ предпочтенія греческой редакціи предъ латинской. Вотъ слова автора: „нѣтъ особенной надобности разсуждать здѣсь (*да почему жес?*) о подлинности или неподлинности актовъ собора 869 года, равно какъ и о томъ, какая редакція предпочтительнѣе и вѣрнѣе, потому что обѣ редакціи если не вполнѣ, то приблизительно вѣрно передаютъ дѣло“ (стр. 169). На основаніи этихъ словъ изслѣдователя можно было бы ожидать, что авторъ въ своей книгѣ станетъ пользоваться и греческимъ и латинскимъ текстомъ указанныхъ актовъ, смотря по тому, какая изъ этихъ редакцій въ томъ или въ другомъ случаѣ болѣе соответствуетъ научнымъ требованіямъ. Но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Авторъ больше опирается на греческую редакцію, чѣмъ на латинскую. Отъ этого въ его сочиненіи встрѣчаемъ довольно неправильностей и неловкостей. Такое явленіе можетъ объясниться только тѣмъ, что авторъ плохо зналъ латинскій языкъ и искалъ убѣжища и поддержки для себя въ греческихъ актахъ. Представимъ примѣры. Излагая третье дѣяніе собора 869 года, авторъ пишетъ: „на третье засѣданіе были вызваны (?) два митрополита Феодуль Анкирскій и Никифоръ Никейскій, стоявшіе

на сторонѣ Фотія, но такъ какъ они отказались подписать формулу (т.-е. ту формулу, въ которой анаѳематствовался Фотій и возвеличивалось папство), то и были изгнаны (?) изъ собора“ (стр. 174). Такъ рассказываетъ о. Герасимъ. Но въ дѣйствительности дѣло происходило не такъ. Двое выше-названные митрополиты — Θεодулъ и Никифоръ на соборъ вовсе не являлись; они только дали отвѣтъ лицамъ, посланнымъ къ нимъ отъ собора, что не подпишутъ той формулы, принятіе которой открывало епископамъ входъ на соборъ и дѣлало ихъ членами его. И слѣдовательно эти митрополиты „изгнаны изъ собора“ быть не могли. Еслибы авторъ могъ читать латинскій текстъ дѣяній, сдѣланный Анастасіемъ Библіотекаремъ, то для него ходъ дѣлъ на третьемъ засѣданіи собора былъ бы вполне ясенъ. Но о. Герасимъ принужденъ былъ довольствоваться лишь греческимъ текстомъ актовъ, иногда слишкомъ короткимъ и потому не совсемъ вразумительнымъ. Въ греческомъ текстѣ передается, что Θεодулъ и Никифоръ были опрошены чрезъ митрополитовъ—примуть ли они формулу—и что на предложеніе они отвѣчали отрицательно. Затѣмъ, въ томъ же текстѣ приведены сказанныя по этому случаю какія-то не совсемъ ясныя слова папскихъ легатовъ, предсѣдательствовавшихъ на соборѣ. Поэтому, читая греческіе акты, о. Герасимъ вообразилъ, что Θεодулъ и Никифоръ появлялись на соборѣ и были отсюда потомъ „изгнаны“. Но латинскій текстъ вразумилъ бы автора, еслибы онъ могъ читать его или переводить свободно.—Столь же крупныя ошибки допускаетъ о. Герасимъ и при изложеніи шестаго засѣданія того же собора 869 года, и опять подъ вліяніемъ греческаго текста актовъ. Авторъ въ своей книгѣ пишетъ: „по настоянію императора были вызваны (на шестое засѣданіе) и епископы, оставшіеся на сторонѣ Фотія. Нѣкоторые изъ нихъ уступили увѣщаніямъ императора и присоединились къ Игнатію (т.-е., *значитъ, измѣнили патриарху Фотію*), но большинство осталось вѣрнымъ Фотію“ (стр. 177). Здѣсь авторомъ совершенно пеналѣнно допущена явная клевета на Фотіевыхъ приверженцевъ, которые, нужно сказать, оставались вѣрны своему вождю. Неумышленной клеветой этой авторъ обязанъ греческому тексту актовъ. Еслибы авторъ читалъ и латинскіе акты собора, то онъ увидалъ бы, что такого постыднаго дѣла.

какое о. Герасимъ приписываетъ приверженцамъ Фотія, на самомъ дѣлѣ не было. Въ этомъ случаѣ между греческимъ и латинскимъ текстомъ есть существенная разница. По греческому тексту, многіе Фотіане въ самомъ дѣлѣ во время рѣчи нѣкоего Иліи, представлявшаго собою на соборѣ лице патріарха іерусалимскаго, перешли отъ патріарха Фотія на сторону его враговъ, на сторону Игнатія и папистическаго собора, а по латинской редакціи Илія только упоминаетъ о томъ, что еще прежде многіе фотіане оставили Фотія и соединились съ членами собора (Илія вѣроятно разумѣлъ второе соборное засѣданіе, когда нѣсколько епископовъ, бывшихъ въ общеніи съ Фотіемъ, но получившихъ посвященіе не отъ него, а отъ его предшественниковъ, дѣйствительно перешли на сторону разсматриваемаго Игнатіанскаго собора 869 года). Нѣтъ сомнѣнія, греческій текстъ актовъ, составленный какимъ-либо врагомъ Фотія — игнатіаниномъ сообщаетъ невѣрныя извѣстія. Невѣрность показаній греческаго текста въ данномъ случаѣ прямо признаетъ и Гергенрёттеръ (II, 99), хотя этому римско-католическому писателю было бы очень пріятно отмѣтить вѣроломство приверженцевъ Фотія, но указываемаго греческимъ текстомъ факта не было. При разсмотрѣніи седьмаго засѣданія собора 869 года о. Герасимъ пишетъ слѣдующую въ высшей степени нескладную фразу, когда говоритъ объ анаѳематствѣ, произнесенномъ здѣсь противъ Фотія: „хоръ проклинателей устами престарѣлаго Игнатія назвалъ Фотія узурпаторомъ, площаднымъ“ и т. д. (стр. 180). Какимъ же образомъ: „*хоръ устами Игнатія* назвалъ?“ Непонятно и нескладно. Но и этой нескладицей авторъ обязанъ греческому тексту актовъ, изложенному какимъ-нибудь невѣжественнымъ игнатіаниномъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ греческомъ текстѣ помѣщается сначала—рѣчь Игнатія къ членамъ собора и вслѣдъ затѣмъ безо всякаго перерыва прописаны анаѳематства противъ Фотія. Читатель въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что проклятіе произноситъ самъ Игнатій отъ лица остальнаго собора. Но стоило бы только заглянуть въ латинскую редакцію актовъ, и дѣло разъяснилось бы какъ нельзя лучше. Латинская редакція ясно говоритъ, что анаѳематства на Фотія произноситъ діаконъ Стефанъ, а соборъ, вѣроятно, отвѣчалъ на нихъ подтвердительною: анаѳема. Игнатіи же

туть ни при чемъ. Путаница продолжается у автора и при изложеніи восьмага засѣданія собора 869 года. Такъ здѣсь мы читаемъ у автора слѣдующую діатрибу: „до уничтоженія актовъ собора 867 года 1), сановникъ Ваанисъ утверждалъ, что всѣ епископы, весь синклитъ и весь городъ подписали дѣла будто бы неправыя 2), вопреки своей волѣ, а послѣ же сожженія этихъ актовъ тотъ же Ваанисъ уже говорилъ: „очевидно Фотій поддѣлалъ и лица и подписи“. Слѣдовательно—торжествующимъ тономъ заявляетъ о. Герасимъ—пока акты (sic) существовали на лицо, до той поры и лица, подписавшія акты, и ихъ подписи считались подлинными, а какъ скоро актовъ не стало, то они же оказались подложными!!! (Три восклицательныхъ знака принадлежатъ перу о. Герасима. Стр. 183). Еслибы—скажемъ мы съ своей стороны—авторъ читалъ кромѣ греческой и латинскую редакцію актовъ, то онъ удержался бы отъ этой, возбуждающей невольную улыбку, критики. Греческій текстъ своею краткостію заставилъ автора перемѣшать двѣ вещи, совершенно разныя: подписи епископовъ, синклита и *города* (Константинополя) подъ какими-то документами, составленными въ пользу Фотія, слить въ одно съ подписями членовъ собора 867 года. (И какимъ образомъ авторъ не догадался, что какія-то подписи епископовъ, синклита и *города* не одно и тоже съ подписями членовъ собора 867 года подъ соборными актами; ибо никогда и нигдѣ города, или ихъ жители, не подписывались подъ соборными актами?) 3).

Но довольно. Мы не вправѣ быть притязательными къ *сирійцу*, писавшему по *греческой* исторіи для *русской* ученой публики. Напротивъ, мы должны быть очень благодарны автору. Несмотря на свои недостатки, книга должна быть признана весьма полезною. Она во многомъ содѣйствовала развитію у насъ литературы о Фотіи. Въ самомъ дѣлѣ, раньше появленія этой книги, историкъ и не зналъ, какъ приступить къ изученію источниковъ фотіевой эпохи: все въ

1) Т. е. того собора, который созывалъ въ этомъ году Фотій и на которомъ провозглашено осужденіе противъ папы Николая I-го.

2) Т. е. опредѣленія этого собора.

3) Латинская и греческая редакція собора 869 года напечатаны въ XVI томѣ Mansi, и любознательный читатель безъ труда наведетъ справки по поводу нашихъ замѣчаній, если ему заблагоразсудится это

нихъ представляло какой-то хаосъ, путаницу, возбуждало недоумѣнія. О. Герасимъ ревностно занялся этимъ дѣломъ, на что указываетъ и заглавіе книги: „Отзывы современниковъ“, т. е. источники, современные Фотію и необходимые при изученіи его исторіи. Въ умѣлой обработкѣ этихъ источниковъ—вся сила книги. На основаніяхъ, утвержденныхъ въ этомъ отношеніи о. Герасимомъ, какъ на незыблемой скалѣ, держится проф. протоіерей Иванцовъ, когда трактуетъ объ источникахъ въ своемъ сочиненіи: „Къ изслѣдованіемъ о Фотіи“, и если онъ сходитъ съ этой скалы, то твердость научныхъ его построений уже измѣняетъ ему. Какъ человѣкъ талантливый и отлично знающій греческій языкъ, о. Герасимъ могъ проникать въ духъ греческихъ источниковъ, подмѣчать ихъ отгѣнки; поэтому его работа долго не теряетъ своей цѣны. Что касается вопроса о раздѣленіи церквей, то, какъ мы видѣли выше, зараженный своею теоріею о партіяхъ, онъ совсѣмъ не понималъ этой исторіи. Любопытно, что о. Герасимъ написалъ лишь эту книгу—и больше ничего. Отчего такъ? Можно подумать, что онъ весь безъ малаго остатка ушелъ на эту работу. Чтожъ? Бываетъ и такъ, что человѣка хватитъ лишь на одну работу, но работу достойную имени автора, какою, напримѣръ, остается книга о. Герасима.

VII.—*Лебедевъ А. П.* (мое). Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской въ IX, X и XI вѣкахъ (стр. 1—133). М. 1875.—Въ „Православн. Обзорѣніи“ (1870 г., т. I, стр. 701) сдѣланъ слѣдующій краткій отзывъ объ этомъ сочиненіи: „сочиненіе представляетъ замѣчательный опытъ критическаго разбора документовъ, относящихся къ исторіи раздѣленія церквей; въ немъ не только много новаго для нашей литературы, но найдется кое-что и для западной“ (слова профессора Иванцова) ¹⁾.

VIII.—Профессора Петербургской Академіи *Н. А. Скабаланиовича*. Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керулларіи. „Христіанск. Чтеніе“ 1884, т. II и 1885, т. I: двѣ статьи). Если не ошибаемся, сочиненіе представляетъ собою одну изъ

¹⁾ Сочиненіе это въ исправленномъ дополненномъ видѣ будетъ перепечатано въ нашей книгѣ: *Исторія раздѣленія церквей въ IX—XI-мъ вѣкахъ* (М. 1900 г.)

послѣднихъ главъ докторской диссертациі г. Скабалановича, по случайнымъ причинамъ въ свое время не вошедшую въ составъ этой диссертациі (явившейся подъ заглавіемъ: Византійское государство и церковь въ XI-мъ вѣкѣ. Спб. 1884) Какъ одинъ изъ отдѣловъ превосходной диссертациі г. Скабалановича, сочиненіе: „раздѣленіе церквей при Керулларіи“ носитъ ясныя черты очень серьезной ученой работы, которое мы съ полнымъ усердіемъ рекомендуемъ читателямъ. Свой взглядъ на причины раздѣленія церквей авторъ высказываетъ на первыхъ же строкахъ своихъ статей, говоря: „раздѣленіе церквей можетъ и должно быть разсматриваемо, какъ неизбежное послѣдствіе цѣлой совокупности обстоятельствъ, слагавшихся вѣками. Оно было подготовлено на тройственной почвѣ: народной, государственной и церковной. Этнографическое различіе между востокомъ и западомъ Европы, различіе народностей, давшихъ главный контингентъ, своимъ языкомъ, нравами и особенностями гения, сообщившихъ неодинаковый колоритъ двумъ половинамъ Европы, имѣетъ значеніе первичнаго момента въ данномъ вопросѣ. Этнографическое начало легло въ основу государственнаго и различіе національнаго типа послужило основаніемъ для обособленія политическаго и культурнаго. Принципъ политическаго единства, носителемъ котораго былъ императорскій Римъ, оказался несостоятельнымъ и безсильнымъ, чтобы примирить противоположности, а привнесеніе германскаго и славянскаго элементовъ должно было еще ихъ усилить. Различіе между востокомъ и западомъ въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ отразилось на складѣ ума и обычаяхъ; при чемъ, коснувшись всѣхъ сферъ быта и жизни, не миновало и сферы религіозной, религіозное созерцаніе получило на востокѣ болѣе спекулятивный характеръ, на западѣ болѣе практическій, выработались постепенно нѣкоторыя разности въ догматическихъ воззрѣніяхъ, въ церковныхъ обрядахъ и дисциплинѣ, обнаружилось соперничество въ строѣ церковнаго управленія“ ¹⁾. Изъ приведенныхъ словъ видно, какъ глубоко и всесторонне авторъ обнимаетъ своею мыслию общій вопросъ о раздѣленіи церквей. Изъ тѣхъ же словъ видно, что религіозный моментъ раздоровъ онъ

¹⁾ Христ. Чтен. 1884, I. 626

не ставить на самомъ первомъ мѣстѣ. Но это лишь придаетъ особенный интересъ сочиненію г. Скабалановича. Авторъ, по своей академической профессіи, не богословъ и не церковный историкъ, а историкъ всеобщей исторіи. Неудивительно, если онъ желаетъ посмотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія общей исторіи, а не специально церковной. По крайней мѣрѣ, авторъ такъ и поступаетъ, когда обрабатываетъ свой сюжетъ: раздѣленіе церквей въ XI-мъ вѣкѣ. Напрасно мы стали бы искать здѣсь какихъ-либо подробностей о чисто-церковныхъ сторонахъ, частіе—церковныхъ спорахъ того времени. И объ этомъ говорить г. Скабалановичъ, но не ставить этого дѣла на видномъ мѣстѣ. Для него интереснѣе всего такая церковная сторона этого событія, которая въ то же время переплетается съ политическими стремленіями времени. Авторъ интересуется этого рода стороной дѣла и—заинтересовываетъ читателя новостью постановки вопроса, Мало того: какъ мастеръ своего дѣла, онъ даетъ читателю множество такихъ объясненій, которыя подводятъ этого послѣдняго къ скрытымъ источникамъ историческихъ движеній эпохи. Читатель начинаетъ отчетливо понимать много такого, что раньше представлялось для него какой-то загадкой. Во всякомъ случаѣ, читатель усматриваетъ, что дѣло происходило не такъ - то просто, какъ представлялось это прежде, на основаніи документовъ чисто-церковнаго характера. Было бы не совѣмъ умѣстно въ нашемъ „Указателѣ“ входить въ подробное разсмотрѣніе работы автора. Теперь же лишь скажемъ, что такія историческія лица Керуларіевской эпохи, какъ Константинъ Мономахъ, папа Левъ IX, его легаты, въ особенности Гумбертъ,—а къ этому еще нужно прибавить руководителей политическихъ партій въ Византіи—все являются подъ перомъ нашего историка исполненными жизненнаго значенія... Само собою понятно, не оставленъ въ тѣни и патріархъ константинопольскій, а такъ же и его сподвижники въ борьбѣ съ папскими вождельніями. Окончательный выводъ, получаемый авторомъ изъ разсмотрѣнія историческаго процесса, составляющаго то, что названо у него „раздѣленіемъ церквей“, формулированъ въ сочиненіи такъ: „совершился прискорбный фактъ церковнаго раздѣленія, подготовленный столѣтіями: Керуларій менѣе другихъ повиненъ въ этомъ фактѣ, и если ужъ необходимо привле-

каты дѣятелей къ историческому суду, то обвинительный приговоръ долженъ пасть на заправителей политики (Керуларіевской эпохи)—политики: папской и Византійской“ (1885 г., I, 138).—Сочиненіе проф. Скабалановича очень поучительное ¹⁾ и составляетъ въ высшей степени отрадное явленіе въ нашей скудной церковно-исторической литературѣ.

IX.—А. П. Лебедева (мое). Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX-го вѣка (стр. 1—226). М. 1888. Въ *Церковныхъ* (синодальныхъ) *Вѣдомостяхъ*, въ статьѣ: „Тысячелѣтіе со дня кончины константинопольскаго патріарха Фотія“ (1891 г., № 6, стр. 184), эта книга названа „весьма интересною“ и притомъ такую, „въ которой выясняется значеніе Фотія, этого мужественнаго борца за свободу церкви и истину православія“. А потомъ далѣе относительно той же книги здѣсь прибавлено слѣдующее: „у профессора А. П. Лебедева *прекрасно очерчены* главныя особенности двухъ церковныхъ направлений, возникшихъ и развивавшихся задолго до патріаршества Фотія и продолжавшихъ свое существованіе и послѣ него: такъ называемой партіи ревнителей, къ которой въ критическую эпоху IX вѣка принадлежали почитатели патріарха Игнатія, и партіи умѣренныхъ, къ которой принадлежали друзья и приверженцы Фотія“.

X.—Профессора И. В. Платонова (†). Патріархъ Фотій. М. 1891. Въ 4-ку. Объ этой книгѣ въ свое время появился отзывъ, составленный Н. Г. Поповымъ (теперь профес. богословія въ Москов. инженерномъ училищѣ). Вотъ что говорилъ критикъ: Названная книга—предсмертный трудъ скон-

¹⁾ Намъ нѣсколько смущаеетъ лишь одно въ сочиненіи его: съ одной стороны онъ находитъ неправыми тѣхъ писателей, которые въ числѣ второстепенныхъ и неважныхъ мотивовъ, вызвавшихъ столкновеніе двухъ церквей въ XI-мъ вѣкѣ, ставятъ „безпокойный и запальчивый характеръ“ Керуларія (1884 г., I, 637), а съ другой стороны указываетъ, что Керуларій нѣкогда былъ главой заговорщиковъ въ Византіи (1885 г., стр. 95). Намъ кажется, что заговорщики всегда отличаются безпокойнымъ характеромъ и что человѣкъ такого характера вноситъ эту черту своей личности во всякое дѣло, особенно же дѣло первостепенной важности. Да и какъ понимать замѣчаніе самого г. Скабалановича (сейчасъ приведенное въ текстѣ), что Керуларій „менѣе другихъ повиненъ въ печальномъ фактѣ раздѣленія церквей?“ Если „менѣе“, то, значить, все же повиненъ; и если повиненъ хотя и мало, то въ чемъ другомъ можно находить эту малую виновность его, помимо свойствъ его характера?

чавшагося въ 1890 году профессора Харьковскаго университета г-на Платонова, изданный другомъ его Ив. У. Палимпсестовымъ. Въ ней кратко изображается положеніе дѣлъ, предшествовавшее патриаршеству Фотія (гл. I), сообщается переписка его съ папою Николаемъ I, по поводу вступленія на Константинопольскую кафедру и относительно Болгаріи, даются свѣдѣнія о Константинопольскомъ соборѣ 867 г. (гл. II), говорится о поводахъ къ первому изложенію Фотія и передается ходъ всѣхъ 10 засѣданій и содержаніе правилъ собора 869 (гл. III). Затѣмъ, послѣ сужденій автора о каноническомъ значеніи этого собора, изложилъ Фотія (гл. IV), рисуется картина нравственныхъ и даже физическихъ страданій патриарха въ изгнаніи, приводятся рѣзкіе отзывы Фотія о соборѣ 869 г. и переписка его съ нѣкоторыми духовными лицами (гл. V), показывается, какъ подготавливалось и совершилось возвращеніе его на патриаршество. Опровергаются баснословныя объясненія этого событія у Никиты Пафлагонскаго, Симеона Магистра, Стилиана Неокесарійскаго и др. (гл. VI—VII), разсказывается о вторичномъ, безвозвратномъ заточеніи Фотія въ царствованіе его ученика, имп. Льва Мудраго (гл. VIII) и проч. Уже изъ введенія, предпосылаемаго г. Платоновымъ своему сочиненію, видно, что онъ не имѣлъ большой претензіи быть здѣсь самостоятельнымъ. Его книга составлена по разнымъ произведеніямъ — на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, — въ которыхъ болѣе или менѣе говорится о Фотіи. Изъ такихъ сочиненій у г. Платонова указываются: *Иліи Минятія* (1679—1714)—Камень соблазна; Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной католической церкви (М. 1843), *Муравьева* — Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патриаршихъ кафедрахъ, *Зернина*—Очеркъ жизни Константинопольскаго патр. Фотія (М. 1858), Гэттэ—статья въ „L'union Chrétienne“ о борьбѣ Фотія съ папствомъ (см. переводъ въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1888—1889 г.), епис. *Иннокентія*—Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в., Fichler—Geschichte d. Kirchlichen Trennung zwischen Orient u. Occident (München, 1864), Hergenröther—Photius, Patriach v. Cpl.—Правда, нашъ авторъ заявляетъ, что онъ пользовался и твореніями нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, но—скажемъ мы отъ себя—пользовался

очень мало, почему его трудъ и имѣеть совершенно компилятивный характеръ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, ничего оригинальнаго... Мало того, руководясь „Разговорами между испытующимъ и увѣреннымъ“ или „Начертаніемъ“, г. Платоновъ, къ нашему удивленію, упустилъ изъ виду столь важныя для него пособія, какъ сочиненія проф. *Ал. П. Лебедева*: „Римская и византійская церкви“, „Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX в.“ и о. *Герасима Яреда*: „Отзывы о патр. Фотіи его современниковъ“ (Спб. 1874 г.): между тѣмъ, знакомство съ этими сочиненіями необходимо для всякаго изучающаго жизнь святителя, потому что они (сочиненія) опередили не только прежнюю скудную и устарѣвшую русскую литературу о немъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополняютъ и иностранную. Вслѣдствіе всѣхъ отмѣченныхъ упущеній въ разсматриваемой новой русской книгѣ о патр. Фотіи и повторились ошибки или пробѣлы тѣхъ пособій, при которыхъ она составлена.

Теперь видно, какъ составлена книга г. Платонова о патр. Фотіи. Ея авторъ, находится въ большой зависимости отъ своихъ пособій, и, когда отступаетъ отъ нихъ, естественно, впадаетъ въ ошибки. Вообще, г. Платоновъ вѣрнѣе исполнилъ бы свою задачу, если бы могъ внимательно изучить лучшія сочиненія по своему предмету и провѣрить ихъ по первоисточникамъ ¹⁾.

XI.—Протоіер. *В. Хр. Преображенскаго* (въ Санктпетербургѣ), автора извѣстнаго спеціалистамъ магистерскаго сочиненія: „Восточныя и западныя школы во времена Карла Вел.“ (1881),—произведенія безвкуснаго, загромажденнаго матеріями, мало идущими къ темѣ и потому излишними.

Ему принадлежатъ два сочиненія:

А) „Фотій, патр. Константинопольскій“. Петерб. Оттискъ изъ журнала *Странникъ*, за 1891 г. Въ виду того, что объ этомъ сочиненіи напечатанъ обстоятельный отзывъ *Θ. П. Преображенскимъ* (теперь священникъ въ Москвѣ), имѣвшимъ случай изучить русскую литературу послѣдняго времени о Фотіи, мы воспользуемся нѣкоторыми его замѣтками о книгѣ. Критикъ пишетъ: Имѣя намѣреніе дать сравни-

¹⁾ „*Утес.* Общ. Люб. Дух. Просвѣщ.“, 1891, отд. II, 184—190.

тельно подробный очеркъ жизни и дѣятельности патріарха Фотія, авторъ воспользовался всей новѣйшей литературой. Онъ широко пользуется Гергенретеромъ и трудами его предшественниковъ, хорошо знаетъ труды проф. А. П. Лебедева, о. Герасима Яреда, византіолога Успенскаго, Гэттэ и др. Онъ заглядываетъ и въ первоисточники, хотя, избавляя себя отъ труда разбираться въ ихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ, по большей части пользуется тѣми историческими свѣдѣніями, какія въ провѣренномъ видѣ находятся или у Гергенретера ¹⁾ или у проф. Лебедева и другихъ русскихъ изслѣдователей. Текстъ сопровождается множествомъ примѣчаній, въ которыхъ авторъ помѣщаетъ все, что не могло войти въ текстъ, не нарушивъ связи: выдержки изъ первоисточниковъ и пособій, выписки изъ писемъ Фотія,—разъясненія мелочныхъ историческихъ фактовъ, которыя авторъ спѣшитъ скорѣе помѣстить въ примѣчанія, когда чувствуетъ нѣкоторую неясность и необоснованность высказанной фразы. Это послѣднее обстоятельство придаетъ всему очерку характеръ недостроеннаго зданія, обставленнаго лѣсами и подпорами. Часто авторъ теряется въ ненужныхъ подробностяхъ, лишніхъ нехарактерныхъ выдержкахъ, и иногда, отмѣчая въ примѣчаніи какой либо историческій фактъ, не считаетъ нужнымъ подтверждать его ссылкой.

Не смотря на эти недостатки составленный авторомъ очеркъ производитъ лучшее впечатлѣніе съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, чѣмъ монографія г. Платонова. Вопреки послѣднему, непонятнымъ молчаніемъ проходящему жизнь Фотія до патріаршества, о. Преображенскій подробно останавливается на этомъ періодѣ, особенно на вопросахъ объ его образованіи и преподавательской дѣятельности. Школьному об-

¹⁾ Соглашаясь съ отзывомъ нашего критика о книгѣ Преображенскаго въ другихъ отношеніяхъ, мы однакожъ не раздѣляемъ его мнѣнія, что авторъ книги о Фотіи читалъ Гергенретера, ибо толстые томы этого ученаго (изъ которыхъ въ 3-мъ 887 стр.), онъ называетъ „книжкою“ (стр. 3) „Книжка“—въ три объемистыхъ тома! Возможно, что Преображенскій и не видалъ Гергенретера. Правда, онъ цитируетъ Гергенретера, но цитаты можно брать изъ вторыхъ рукъ; правда также, онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ сочиненіе это трехтомнымъ, но ошибается въ обозначеніи года его изданія, ставитъ 1867 вм. 1867—1869 (подозрительная обмолвка писателя, будтобы читавшаго Гергенр)

разованію того времени онъ посвятилъ нѣсколько страницъ тѣмъ охотнѣе, что изучалъ этотъ вопросъ подробно, какъ авторъ монографіи „о восточныхъ и западныхъ школахъ во времена Карла Великаго“. Происхожденіе партій—Игнатіанъ и Фотіанъ онъ возводитъ ко времени патріаршества Меѳодія, согласно съ другими русскими изслѣдователями, и характеризуетъ особенности и тенденціи этихъ партій достаточно полно для очерка и въ общемъ согласно съ той ихъ характеристикой, какая въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ дана проф. Лебедевымъ. О соборѣ 861 г. авторъ говоритъ очень мало, отсылая читателей за подробностями къ тенденціозному изложенію Гергенретера ¹⁾. Послѣднее обстоятельство является непонятнымъ: зачѣмъ автору понадобилось отсылать читателей къ Гергенретеру, когда онъ тутъ же упоминаетъ о сочиненіи проф. Лебедева „Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“, о которомъ говоритъ самъ, что его авторъ, т. е. г. Л-въ, относится съ недовѣріемъ къ писателямъ,—откуда за отсутствіемъ подлинныхъ актовъ заимствуются свѣдѣнія о названномъ соборѣ,—и во многомъ поправляетъ или рѣшительно отвергаетъ ихъ сообщенія? Отчего уже не отослать читателей прямо къ этимъ тенденціознымъ писателямъ, друзьямъ Игнатія и врагамъ Фотія, поклонникомъ которыхъ является Гергенретеръ? Не входя въ подробности о соборѣ 861 г., авторъ избавляетъ себя отъ труда возстановлять по второстепеннымъ источникамъ исторію этого собора, т. е. просто обходитъ трудные и спорные вопросы, что не дѣлаетъ ему чести, иногда впадающему въ излишнія и болѣе легкой цѣной добываемыя подробности. Говоря о низложеніи Фотія съ узурпаторскимъ вступленіемъ на византійскій престолъ Василія Македонянина, авторъ причиной низложенія считаетъ то обстоятельство, что возмущенный до глубины души злодѣяніемъ Василія Фотій отказался его вторично короновать. Утверждая это, авторъ слѣпо слѣдуетъ за своимъ руководителемъ Гэттэ, который именно въ такомъ смыслѣ толкуетъ показанія византійскихъ историковъ о томъ, что Фотій не допустилъ императора Василія до св. причащенія, когда онъ пришелъ

¹⁾ Оять, повидимому, признакъ, что авторъ книги съ Гергенретеромъ незнакомъ!

въ Софійській храмъ по убіеніи Михаила. Но автору словно неизвѣстно, что этотъ разсказъ новѣйшими изслѣдованіями, основанными на точныхъ данныхъ, отнесенъ въ область вымысловъ, какъ думаютъ именно Гефеле, Гергенретеръ, а за ними и проф. Лебедевъ. Вообще авторъ напрасно не обмолвился ни однимъ словомъ о томъ объясненіи низложенія Фотія, какое дано проф. Лебедевымъ, и не воспользовался имъ. И самый фактъ, требующій объясненія, былъ бы яснѣе и дальнѣйшія отношенія Василя къ Фотію были бы понятнѣе. О соборѣ 869 г., осудившемъ Фотія и прославленномъ на Западѣ, какъ восьмой вселенскій, о Преображенскій говоритъ словно мимоходомъ и отъ критики источниковъ его исторіи, какая необходима въ виду отсутствія его подлинныхъ актовъ, совершенно воздерживается, отсылая читателей за подробностями и критическими замѣчаніями къ сочиненію проф. Лебедева. Молчаніе нашего авторъ объ этомъ соборѣ тѣмъ болѣе странно, что послѣдній представляетъ много характеристичнаго для обрисовки личности Фотія и его враговъ, чѣмъ довольно удачно ради прославленія Фотія воспользовался г. Платоновъ. Событія изъ послѣдняго времени жизни и дѣятельности патріарха Фотія авторъ обозрѣваетъ конспективно, какъ будто онъ усталъ писать и спѣшилъ закончить. — Вполнѣ признавая, что очеркъ о Преображенскаго хорошо излагаетъ положительныя стороны исторіи Фотія, мы всетаки должны сознаться, что его книжка не возвышается надъ уровнемъ добросовѣстной, хотя не очень обработанной компиляціи ¹⁾.

Б) „Раздѣленіе церкви (!) на двѣ половины—восточную и западную“. М. 1891. Малаго формата. Странно, въ предъидущемъ сочиненіи авторъ весьма бѣгло обозрѣваетъ дѣятельность патр. Фотія, начиная съ перваго его низверженія и до смерти этого святителя. Напротивъ, въ рассматриваемой книгѣ таже часть жизни Фотія (стр. 80 и дал.) обозрѣвается обстоятельно. Можно подумать, что авторъ написалъ сначала лишь одно сочиненіе о Фотіи и раздѣленіи церкви, а потомъ для ускоренія печатанія (первоначально оба сочиненія помѣщены въ двухъ дух. журналахъ) раздѣлилъ

¹⁾ Изъ „Учен. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ.“, 1892, отдѣлъ II, стр. 387—390.

его на два, изъ которыхъ одно и вышло какъ бы неоконченнымъ, а другое появилось съ наскоку придѣланнымъ началомъ. Думается, какъ будто такъ именно и возникли два обозрѣваемые *юбилейныя* (созданы по случаю 1000-лѣтняго юбилея Фотія) произведенія автора. А впрочемъ—ктожь его знаетъ... Собственно по поводу изложенія авторомъ исторіи Фотія здѣсь намъ нѣтъ надобности распространяться: авторъ сочинялъ свои книги въ одно время и потому изложилъ приблизительно одни и тѣже свѣдѣнія о знаменитомъ патріархѣ. Но и здѣсь есть одинъ пунктъ, который не можетъ не приковывать нашего вниманія. Въ прежде обозрѣнной книгѣ („Фотій“ патр.) Преображенскій такъ рассуждалъ объ обстоятельствахъ перваго низверженія Фотія съ кафедры. „Кесарь Василій Македонянинъ убилъ императора Михаила и хотя онъ за годъ передъ этимъ былъ коронованъ по желанію Михаила, однако пожелалъ короноваться вторично. Фотій до глубины души возмущенъ былъ злодѣяніемъ кесаря. Неудивительно, что онъ не только упрекнулъ послѣдняго, но и отказался возложить на него вторично корону. Василій низвергъ патріарха“ (стр. 94). А въ книжицѣ: „Раздѣленіе церкви“ ученый авторъ приходитъ совершенно къ другимъ выводамъ относительно того же самого событія. Онъ вѣщаетъ: „сообщеніе историка Зонары о томъ, что будто патріархъ Фотій лишилъ приобщенія святыхъ таинъ Василія (приобщенія, составлявшаго одну изъ частей коронаціоннаго обряда. Слѣд. его же „Фотій“, примѣч. 2), за убійство Михаила, къ сожалѣнію, не доказано, хотя бы было къ чести патріарха. Не церковными интересами—„увѣряетъ авторъ—руководился императоръ и не *личными* враждебными къ Фотію, а политическими“ (77) (недоговорено у автора: „когда первый низвергалъ послѣдняго“). Благосклонный читатель чему же намъ вѣрить теперь—тому сообщенію или этому? Очевидно, Преображенскій представляетъ изъ себя субъекта съ раздвоеннымъ сознаніемъ своей личности (современная психологія допускаетъ и констатируетъ такія явленія). Обращаясь съ своею рѣчью къ Москвѣ (вторая книга напечатана и издава здѣсь), и быть можетъ, принимая во вниманіе ея пристрастіе къ консерватизму и легендамъ, а потому желая хотя слегка ослабить эту московскую наклонность, авторъ объявляетъ, что разсказъ о томъ, будто Фотій постра-

далъ за свое святительское безстрашіе есть легенда; а обращающаяся съ своею рѣчью къ Петербургу, (первая книга напечатана и издана тамъ) довольно таки либеральному и не питающему наклонности къ легендаризму, авторъ захотѣлъ преподавать ему урокъ по части вѣры въ преданія—и рассказалъ о томъ, какъ иногда великіе люди страдаютъ изъ-за приверженности къ святому долгу. Но шутки въ сторону! Авторъ не только ничего не проигралъ отъ того, что въ одной своей книгѣ признаетъ то, что отрицалъ въ другой, а въ другой своей книгѣ отрицаетъ то, что признавалъ въ первой.—не только не проигрываетъ, но даже выигрываетъ. Въ свое время Преображенскаго похвалили-бы за то, что онъ не соглашается со мной (Иванцова. „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“, 68), а въ настоящее время похвалю я его за то, что онъ не соглашается съ другими, а идетъ во слѣдъ меня (см. „Ист. Конст. собор.“, 54—55). Выгода не сомнительная! На что лучше! Да и то сказать: послѣ двухъ, усвоенныхъ Преображенскимъ, мнѣніи о мотивахъ перваго низверженія Фотія съ кафедры, выдумать третьяго нельзя, а потому честь возвѣщенія послѣдняго слова въ наукѣ остается за нашимъ авторомъ.—Но лучшіе научные перлы не здѣсь (въ изложеніи Преображенскимъ исторіи Фотія), а въ отдѣлѣ его сочиненія о раздѣленіи церкви при Керуларіи. Этотъ отдѣлъ составленъ авторомъ по слѣдующему рецепту: возьми водицы (изъ „Правды“ Муравьева), прибавь опрѣснокъ (изъ книги Мих. Чельцова — „объ опрѣснокахъ“), взболтай хорошенько, и давай паціентамъ—и послѣдствія будутъ великолѣпнѣйшія. Преображенскій такъ и поступилъ: взять.... прибавилъ.... взболталъ.... и угостилъ своихъ паціентовъ: получился элексіръ не на животъ, а на смерть паціентамъ, т. е. читателямъ. Главная бѣда автора заключалась въ томъ, что взятая вода оказалась не фильтрованной. Авторъ пишетъ: „папа Левъ IX-й попалъ въ плѣнъ къ норманамъ, гдѣ и скончался“ (144). Это печальное извѣстіе, по смыслу котораго папа лишень былъ утѣшенія и умереть у себя дома, занято Преображенскимъ у Муравьева (стр. 297). Но извѣстіе это чистая ложь. Левъ скончался не въ плѣну, а у себя въ Римѣ, о чемъ имѣлъ надлежащія свѣдѣнія нашъ вышеупомянутый Анонимъ, жившій и писавшій назадъ тому почти полустолѣтіе (стр. 94 у Анонима). Или Преображенскій пишетъ: „патріархъ (Керуларій)

довель до свѣдѣнія императора (Константина Моном.) о желаніи вести переговоры съ легатами и просилъ возвратить ихъ съ пути (т. е. обратнаго—въ Римъ). *Императоръ не исполнилъ просьбы* патріарха. Западные латинскіе историки предполагаютъ въ патріархѣ намѣреніе *убить* легатовъ, еслибы они возвратились. Патріархъ *тщетно ждалъ* возвращенія легатовъ“ (152). Эти интересныя свѣдѣнія есть повтореніе задовъ изъ Муравьева (302, начало). Но въ дѣйствительности все дѣло происходило не такъ, а вотъ какъ: „Керуларій обратился съ просьбою къ императору, чтобы легаты были возвращены (съ дороги въ Римъ). Правительство поняло эту просьбу такъ, что патріархъ готовъ уступить требованіямъ легатовъ. Легаты, тоже введенные въ заблужденіе, полагая, что патріархъ желаетъ покориться, *послѣдовали приглашенію* императора (значить, Мономахъ исполнилъ просьбу патріарха), *воротились назадъ* (слѣдовательно, никто не ждалъ ихъ *тщетно*). Но Керуларій не думалъ просить прощенія, а имѣлъ въ виду потребовать ихъ къ отвѣту, чтобы смыть оскорбленіе, нанесенное ими греческой церкви“, значить объ убійствѣ легатовъ никто не думалъ (*Скабалановича. Христ. чт. (см. выше), 1885, I, 136 — 137*). Разсматриваемый отдѣлъ книги Преображенскій сочинялъ, руководясь лживой „Правдой“ Муравьева, а потому выдавалъ ложь за правду.—Все вожжаясь съ тѣмъ же авторитетнымъ для нашего автора Муравьевымъ, онъ тщетно искалъ въ этой сокровищницѣ мудрости разрѣшенія весьма любопытнаго вопроса: почему Керуларій написалъ епископу Іоанну Транійскому не отъ себя лично, а поручилъ сдѣлать это третьему лицу—Льву, архіепископу Болгарскому, но никакого отвѣта авторъ у Муравьева не отыскалъ; а потому съ сокрушеніемъ докладываетъ читателю: „неизвѣстно, почему патріархъ не прямо написалъ Іоанну, а поручилъ это Льву болгарскому“ (139). Какъ неизвѣстно? Очень извѣстно. Т. е., точнѣе сказать неизвѣстно только тому, кому наиболѣе другихъ вѣдать это надлежало, — автору, пишущему исторію раздѣленія церковей при Керуларіи. Указанный вопросъ, замѣтно тревожавшій духъ Преображенскаго, давно уже раскрытъ ясно, убѣдительно и притомъ съ полною обстоятельностью, бывшимъ его наставникомъ по Академіи, превосходнымъ знатокомъ Керуларіевской эпохи профес-

сорокъ Н. А. Скабалановичемъ (*Христ. чт.*, 1884, т. II. 635; 1885 т. I, 109—110). Приводить это разъясненіе не станемъ, ибо автора разбираемой книги учить не собираемся, а любопытствующие знать: почему вышло такъ страшно и непонятно, что патріархъ пишетъ Іоанну отъ имени какого-то Льва, безъ труда могутъ разсѣять все свои недоумѣнія, обратившись къ сочиненію г. Скабалановича. Но пора уже и кончить затянувшуюся рѣчь о книжкѣ Преображенскаго. На послѣднихъ четырехъ страницахъ авторъ превращается въ философствующаго богослова-историка и знакомитъ читателя съ своимъ взглядомъ на коренныя причины раздѣленія церкви. Какъ увидимъ, авторъ, подобно птицѣ поднебесной, высоко летаетъ. Внимайте вѣщимъ словамъ историка. Онъ говоритъ: „Въ то время не хотѣли слушать рѣчей о мирѣ, и не искали ничего для мирнаго соглашенія. Такъ было и на востокѣ и на западѣ. Не по одному вѣдъ капризу заинтересованныхъ сторонъ съ такою охотою подбিরали все, что могло отѣнить разности между Востокомъ и Западомъ. Очевидно что-то кипѣло на сердцѣ (?). Горячимъ ключемъ бранныхъ словъ (!) чувство пробивалось наружу. Хватались за ничтожную разность и носились съ нею, какъ съ чѣмъ-то угрожающимъ существованію церкви Христовой. Спокойнаго, безпристрастнаго, научнаго изслѣдованія о спорныхъ вопросахъ не появляется ни на востокѣ, ни на западѣ. Ни тамъ, ни тутъ, повидимому, для этого не имѣли ни времени, ни охоты. Въ половинѣ XI в. сознаніе единства затемнилось. Верхъ взяло сознаніе разности. Достаточно было одного неважнаго толчка, какъ нить, доселѣ связывавшая восточную и западную половину церкви, порвалась и къ великому сожалѣнію связать ее доселѣ не удалось, не смотря на многочисленныя попытки. Съ 1054 года исторія уже знаетъ *не единую церковь* (sic!), а двѣ: восточную православную и западную латинскую“. Се либеральное разглагольствіе, ни на что не годное.. Не енімѣамъ приносить авторъ предъ лицомъ своей матери—церкви, а какую-то изгарь удушливой смолы. Какъ ни ищите, такихъ мыслей не найдете не только у арханческаго Анонима, крайняго апологета восточной церкви, но ни у П. М. Добротворскаго, ни у проф. Н. А. Скабалановича. Пусть читатель разсудитъ самъ: кто правѣе въ данномъ вопросѣ, умудренныя наукой, сейчасъ поименованныя лица, или же

Преображенскіи, выше науки поставляющіи свои личные домысли?

Какимъ дурнымъ языкомъ пишетъ авторъ, о томъ свидѣтельствуешь сейчасъ приведенная длинная тирада изъ его произведенія. А еще лучшимъ образчикомъ педоброкачественности авторскаго стиля служить слѣдующая рѣдкостная фраза: „Подъ стекломъ строгой иноческой жизни и монашескихъ взглядовъ на жизнь сложились убѣжденія (патріарха) Игнатія“ (20). Что за штука такая—„подъ стекломъ монашескихъ взглядовъ“?!

Вообще что это такое: литература или макулатура?

Подумать только: и это ученикъ доблестныхъ профессоровъ Петербургской Академіи И. Е. Троицкаго, Н. А. Скаблановича, покойныхъ Чельцова и Нильскаго. Да чему же онъ учился у нихъ?....

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
